

СПЕЦИФИКА ЖАНРА «ЗАПИСОК» В «ЗАПИСКАХ СУМАСШЕДШЕГО» Н.В. ГОГОЛЯ И «СИЛЬФИДЕ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Выделяются характерные особенности жанра «записок» у Гоголя и Одоевского. Важными характеристиками повестей в этом отношении становятся особенности нарратива, типология рассказчиков и специфика героев в контексте проблемы сумасшествия и миражного существования.

Жанр «Записок сумасшедшего» не имеет аналогов в гоголевском творчестве. Однако в контексте эпохи эта форма занимает свое (и не последнее по частоте использования) место: например, только в сочинениях Белинского встречаем не менее десяти статей, названия которых начинаются со слова «Записки». Помимо этого, форму записок можно найти и у других авторов, например, «Записки домового» О.И. Сенковского, «Записки москвича» П.Л. Яковлева, «Записки Чухина» Ф.В. Булгарина, «Записки замоскворецкого жителя» А.Н. Островского и др. Одна из причин популярности этого жанра, важная для нас, – развитие психологизма литературы, стремление проникнуть в человеческую душу. Жанр «записок» позволял это сделать: не имеющий четкой канонической формы, наиболее подвижный и способный вбирать в себя другие жанры, обладающий, однако, единственным ограничением – повествование от первого лица, – этот жанр стал шагом на пути к психологизму натуральной школы.

В XIX в. жанр «записок» видоизменяется, приближаясь к психологической прозе. Если в XVIII в. многочисленные «Записки» (например, А.Т. Болотов, Екатерина II) становились описанием жизни общественного человека, еще пока не вышедшего за рамки официоза, но уже стремящегося к этому, то в XIX в. записки становятся отражением духовной жизни личности, процесса формирования мышления, приближаясь тем самым к оригинальному жанровому образованию – записным книжкам, которые вели также Гоголь и Одоевский. «Появление в литературе многочисленных “Записок” <...> – отражение процесса трансформации “промежуточной” литературы в оригинальную художественную форму, в центре которой – мистифицированный образ рассказчика» [1. С. 33]. Таким мистифицированным рассказчиком может стать вымышленный герой, благоразумный (определение, знаковое для 30-х гг.) либо сумасшедший человек, либо представитель infernalного мира.

В 1830–1840-е гг. между Гоголем и Одоевским существовала духовная связь, Гоголь нередко обращался к Одоевскому с сердечными письмами. При всем различии их творческих индивидуальностей, романтическая стихия (идеализм и фантастика) оказывается общим тоном их творчества. Кроме того, и Гоголь, и Одоевский с идеализмом и фантастикой соединяли склонность к реализму и сатире.

Гоголь выносит жанровое определение своей повести в заглавие «Записки сумасшедшего». В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» записками называется «жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [2]. Как видно из определения, записки не предполагают

точной датировки описываемого, тогда как Поприщин датирует свои записки. В связи с этим можно сделать вывод, что, несмотря на малый объем, повесть полисемантическая, и нельзя точно определить жанр, к которому она относится. Это одновременно и записки, и дневник, и исповедь, и проповедь, и своеобразный «травелог души». На дневниковость формы указывают следующие особенности. Дневник предполагает периодичность ведения записей, связь их с текущими событиями и датировку, спонтанный характер записей, литературную необработанность, безадресность и интимный характер описываемого. Все эти характеристики находим в «Записках сумасшедшего». Поприщин периодически, с интервалом в несколько дней, записывает происходящие события, причем эти записки действительно носят спонтанный характер, который затем постепенно меняется. Первые записки почти лишены рефлексии, Поприщин лишь фиксирует происходящие события и рассказывает о своем отношении к начальнику отделения, казначею, «его превосходительству» и его дочери Софи. Но постепенно записки все больше и больше наполняются рефлексией и внутренним содержанием. Поприщин, совершив такие «великие географические открытия», как «Китай и Испания совершенно одна и та же земля» [3. С. 211], «луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается» [3. С. 212], не мог не записать их вместе с остальными рассуждениями. По мере того как герой пишет записки, ему постепенно начинает открываться его предназначение, ведь до этого его жизнь, не выраженная в слове, не имела смысла. Но, обретя свое выражение в слове и одновременно смысл, жизнь героя в конце повести все же утрачивает его, и последняя записка, дающая надежду на спасение, в то же время утрачивает смысл из-за безумной датировки и заключительной фразы Поприщина. Слова, написанные героем, теряются за общей бессмыслицей. Утрачивая смысл, слово теряет свою внутреннюю сущность, одну из главных составляющих. Таково слово Меджи: ее рассуждения о папе, Софи и Теплове не лишены смысла, но «тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиной» [3. С. 203]. Во главу угла она ставит описания пищи и своих куртизанов.

Гоголевские «Записки» становятся актом самосознания и самопознания героя. Близкие к дневниковой прозе, они приобретают статус автобиографического документа. Делая своим героем вымышленного персонажа, Гоголь полностью отдает повествование в его руки, доверяя ему самому описывать процесс своего прозрения. Записки становятся историей души Поприщина, которая переживается, рефлексивируется и фиксируется на бумаге им самим. Впервые Гоголь не только наделил героя «геном рефлексии» (как это было в дру-

гих «Петербургских повестях»), но и позволил стать творцом своей автобиографии. Репрезентативной для этой цели является форма «записок», становящаяся полижанровым образованием и позволяющая наиболее точно и полно передать рефлексии главного героя.

Повесть также включает в себя и эпистолярную форму – письма собачек, – после прочтения которых Поприщин восклицает: «И как можно наполнять письма эдакими глупостями» [3. С. 204]. Его дневник приобретает исповедальное начало, погружает читателя в глубины души героя и фиксирует лишь те факты, которые значимы для прозрения, а затем и окончательного сумасшествия героя.

С традицией травелога повесть связывают следующие особенности. Реального, физического путешествия герой не совершает (если не считать поездку в сумасшедший дом). Маршрут его передвижений весьма прост и замкнут в пространстве Петербурга: дом, дорога в департамент по Невскому проспекту, слезка за Фидель, кабинет «его превосходительства», подъезд «его превосходительства», департамент, театр, департамент, дом, кабинет «его превосходительства», посещение Фидель, дом, департамент, директорская квартира, Невский проспект, дом, почта, дом, Испания (сумасшедший дом). Триада «дом – департамент – директорская квартира» отражает три грани петербургского бытия, которые характеризуют жизнь Поприщина: дом – «свое» пространство, где герой «большую часть лежит на кровати», а затем рассуждает об «испанских делах»; департамент – служебное пространство, где Поприщин – «нуль, более ничего», всего лишь титулярный советник; директорская квартира – пространство чинопочитания и богатства, в которое так стремится попасть герой. Из этого круговорота есть только один выход – в сумасшедший дом.

Однако помимо физического пространства существует еще и внутреннее, духовное пространство повести. Вместе с самосознанием Поприщин обретает и ту духовную пищу, которая «питает и улаживает» его душу. Возникает мотив «путешествия души» героя. Однако духовный травелог возникает еще до прозрения героя: не имея физической возможности попасть в мир Софи, Поприщин постоянно попадает туда в своих мыслях. Его путешествие в начале повести соответствует его мечтам о чинах и деньгах, о жизни в высшем обществе. Но после прозрения травелог героя существенно изменяется. Находясь физически в сумасшедшем доме, Поприщин путешествует духовно: в его записках появляются не только Испания, но и Франция, Англия, Китай, Италия. Он сумел вырваться за пределы замкнутого пространства Петербурга, и несмотря на то, что физически герой несвободен, он освобождается духовно, разрушая штампы восприятия и обретая «вселенскую отзывчивость».

Мотив «духовного путешествия» продолжает традицию «Писем русского путешественника» Карамзина. Предприняв путешествие для собственного удовольствия, Карамзин выстраивает философскую концепцию, оправдывающую его. «Он считает вполне закономерным погружаться в одно ощущение за другим, провозглашая <...> целью существования расширение чувств бытия» [4. С. 45]. Путешествие «побуждает к само-

сознанию <...> через обостренное чувство своего существования» [4. С. 46]. Путешествие, по Карамзину, становится способом накопления чувств и идей, своеобразным «зеркалом души». Таков духовный травелог Поприщина: постепенно обретая самосознание и рефлексии, душа героя начинает свое путешествие: сначала в повести появляются «испанские дела» как символ непонятности и абсурдности российского бытия, затем Англия, Франция, Китай, луна, вписанные в контекст все той же испанской неразберихи, и, наконец, в последней записи возникает мотив пути: тройка, колокольчик, Италия как символ духовной гармонии, русские избы, образ матери как возвращения к истокам и обретения высшего смысла бытия. Помимо традиции «Писем» Карамзина, Гоголь продолжает и традицию Жуковского. В «Рафаэлевой Мадонне» пространство Дрезденской галереи, в котором находится рассказчик, под воздействием картины Рафаэля постепенно переходит в пространство души. Расширение и возвышение души рассказчика произошло от соприкосновения с прекрасным произведением искусства, которое побудило его к рефлексии. Поприщин, осознав абсурд российской действительности, пытается найти выход из него: сначала, начитавшись статей об «испанских делах» в «Северной пчеле», герой начинает рефлексировать о судьбе Испании, оставшейся без короля, затем и другие европейские страны входят в его сознание и, наконец, беспокойство о судьбе луны – символ расширения души героя до пределов вселенной. Ему тесно на этом свете, его гонят, и, находясь в сумасшедшем доме, Поприщин больше всего путешествует духовно: он попадает в Испанию, выстраивает свою теорию жизни на луне, оказывается в Италии и вновь возвращается в Россию, прозревший и одновременно окончательно обезумевший, о чем свидетельствует заключительная реплика героя.

Повесть «Сильфида» близка по духу «Запискам», и даже в определенной степени вступает с ними в диалог. Фантастические повести писателя органически связаны с его научно-философской деятельностью, в них ставились и решались проблемы просвещения и знания, путей и способов обретения универсальной истины, проблемы самопознания и самосовершенствования. Философские и нравственные вопросы эпохи определяли смысл и направление поисков героев в фантастических повестях 30-х – начала 40-х гг. XIX в. Уже в заглавии обнаруживается сходство с «Записками сумасшедшего». И у Гоголя, и у Одоевского есть указание на то, что их герои – сумасшедшие. Оба героя в какой-то степени связаны с искусством (первоначальное название «Записок» – «Записки сумасшедшего музыканта», разговор Михаила Платоновича с сильфидой о сущности поэзии). В этом смысле повесть Одоевского соотносится с контекстом гоголевских «Арабесок», которые посвящены проблеме искусства. Сюда же относятся и «Записки сумасшедшего» с учетом их первоначального варианта заглавия. В обеих повестях форма повествования – записки, точнее фрагменты из записок Поприщина и Михаила Платоновича. Но одновременно со сходством намечается и существенное отличие. У Гоголя – «Записки сумасшедшего», а у Одоевского – «Из записок благоразумного человека». Жанровая модифи-

кация формы «записок» у Одоевского иная. Генезис ее в данном случае восходит к традиции эпистолярного романа: Михаил Платонович, находясь в деревне, пишет письма своему другу. Всего в повести семь писем Михаила Платоновича и одно письмо его будущего тестя, Гаврилы Софроновича Реженского. Точной датировки писем нет, однако есть указание на временной интервал во втором (два месяца спустя после первого), третьем (два месяца спустя) и шестом (несколько недель спустя) письмах; седьмое письмо писалось несколько дней, на что есть указание в тексте. Далее в повести появляется вставной элемент, «текст в тексте» – за седьмым письмом Михаила Платоновича следует письмо Реженского. Затем повествование ведется от лица друга Михаила Платоновича, и озаглавлено «Рассказ». В этот рассказ включены отрывки из журнала героя, где описывается его встреча с сильфидой. Заканчивается повесть коротким эпилогом автора.

Таким образом, Михаил Платонович является автором большей части повести: писем и журнала. Тематика записей меняется одновременно с мировоззрением героя. В начале повести его письма проникнуты скепсисом, сплинном и иронией над окружающими, но от скуки в нем просыпается интерес к каббалистическим учениям. Это способствует выходу к другим мирам. Для «Сильфиды» актуальна проблема миражного существования героя. Михаил Платонович, начитавшись каббалистических книг, решил испробовать один из предложенных в них рецептов для вызова духа. Ему удается вызвать сильфиду, которая, согласно учению немецкого врача Парацельса, изложенному в алхимическом трактате «О нимфах, сильфах, гномах и саламандрах», является духом стихии воздуха. Михаилу Платоновичу кажется, что с помощью сильфиды он сможет постичь высшую истину, но окружающие считают его сумасшедшим. Истинное знание, по мнению героя, должно сообщить человеку прочную, независимую от внешних обстоятельств духовную опору. В мистических опытах Михаил Платонович видит не просто средство общения с элементарными духами, но и единственно верный способ постижения тайн природы и человеческой жизни. По мере вхождения в мир сильфиды, кругозор Михаила Платоновича расширяется, что отражено в журнале: возникает мотив «травелог души», который встречается и у Гоголя, о чем уже говорилось выше. Физически находясь в замкнутом пространстве своей комнаты, герой путешествует духовно, и его проводником в высший мир становится сильфида. Записи в журнале наполнены лиризмом, поэтическим восторгом, вдохновением, чего не было в письмах. Постепенно записи в журнале становятся все менее разборчивыми, и в конце «последние строки бы-

ли написаны какими-то странными, неизвестными мне буквами и прерывались на каждой странице» [5. С. 156]. Обретая самосознание и высшее знание о мире, герой не может изложить это знание на человеческом языке, он оказывается неспособным описать невыразимое.

Таким образом, в повести Одоевского ведущей является проблема поиска истинного знания. Проблема сумасшествия, заявленная и в «Сильфиде», и в «Записках», получает сходное разрешение. В обоих случаях к «больным» применяются лечебные процедуры: Поприщину льют на голову холодную воду, Михаилу Платоновичу назначают «бульонные ванны». Результат этих процедур оказывается различным: Поприщин так и остается сумасшедшим, а значит, он не утрачивает того знания, которое приобрел в результате сумасшествия, а Михаила Платоновича излечивают, поэтому ему не удастся сохранить обретенное знание. Грубо исторгниутый из поэтического общения с сильфидой, герой возвращается в свое обычное состояние, мучимый теми же вопросами, только еще в большей степени, ибо перед ним навсегда закрылась та таинственная дверь в мир всеобщего знания, которую для него приоткрыло сумасшествие.

Рассказ друга Михаила Платоновича обрамляет отрывок из журнала героя. В связи с его образом возникает вопрос об авторе повести, заявленном в заглавии: благоразумный человек. Благоразумным автор называет друга, поэтому логично предположить, что именно он является автором записок, и в данном случае имеет место цитирование им дискурса Михаила Платоновича: его письма и журнал являются вставной конструкцией в записки благоразумного человека, являющегося актором в «Рассказе». Его повествование лишено рефлексии, оно лишь описывает происшедшее с героем с точки зрения благоразумия и общепринятых норм.

В данном случае форма «записок» оказывается максимально полисемантической, вбирая в себя различные жанровые образования: письма, журнал, рассказ, – и восходит уже не к традиции «клочков из записок», а к эпистолярному роману.

Таким образом, в повестях Гоголя и Одоевского представлены две жанровые модификации формы «записок»: для Гоголя это, прежде всего, традиции дневниково-исповедальной прозы и записных книжек, а для Одоевского – традиция эпистолярного романа. Однако главным и неизменным фактом остается то, что оба писателя используют форму «записок» для изображения рефлексии сознания, поэтому в центре повестей оказываются самосознающие рассказчики, обретшие самосознание и стремящиеся его сохранить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янушкевич А.С. Записная книжка «Разные замечания» В.А. Жуковского как факт творческой биографии поэта и явление русской культуры // Проблемы метода и жанра. Томск, 1997. Вып. 19. С. 32–43.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 276.
3. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1938. Т. 3. С. 193–215.
4. Шенле А. Путешествие Карамзина и вкус к вымыслу // Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. С. 44–67.
5. Одоевский В.Ф. Сильфида // Одоевский В.Ф. Повести. М.: Правда, 1987. С. 136–159.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 декабря 2007 г.